

УДК 82.09(092)

DOI: 10.26456/vtfilol/2020.3.111

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВОЧНОГО КОМПЛЕКСА И ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА КНИГИ А. ВАРЛАМОВА «АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ»

Л. Н. Скаковская

Тверской государственный университет
кафедра международных отношений

Потенциал паратекста книг серии «ЖЗЛ» А.Н. Варламова представляется очень важным не только вследствие репрезентационного расширения и рецепционного углубления этих произведений, но и определения внутренней взаимосвязи конкретных литературных портретов. В случае «Алексея Толстого» паратекст выполняет сквозную функцию, то есть его элементы раскрываются на протяжении всего произведения (исходное заглавие, подписи к фото и др.) и связаны с основной темой.

Ключевые слова: *А. Варламов, А. Толстой, паратекст, заголовочный комплекс, фотовставки.*

В настоящее время существует немало доказательств того, что паратекст в произведении выполняет не только вспомогательную функцию. Элементы паратекста (заглавие, подзаголовок, эпиграф, предисловие, послесловие, примечания и т. п.) в современной литературе (особенно в постмодернизме) продолжают играть роль нередко едва ли не бóльшую, чем основной корпус текста, вступая с его непосредственными компонентами в системные отношения диалога. В документалистике, литературе *non-fiction* паратекстуальность может становиться эффективным средством конструирования авторского пространства, основанного на рецепции факта и документа.

Паратекстуальность обусловливается диалогической природой текста и его критическим осмыслением. Функционал текстового обрамления реализуется на начальной и последующих стадиях восприятия произведения аудиторией: явное или имплицитное воздействие паратекста на читателя происходит в процессе формирования и модификации оценки книги во время ее активного прочтения.

Ж. Женетт трактует паратекст шире внутритекстовых отношений, разграничивая перитекст («вокруг текста») и эпитекст («вокруг книги»). Перитекст содержит компоненты, непосредственно примыкающие к произведению (имя автора, заголовок, подзаголовки, эпиграф, предисловие, посвящение и пр.). Эпитекст маркирует речевые жанры, располагающиеся вне рамок книги, но коррелирующие с ней интертекстуально. Это пу-

блицистический (издательский) эпитекст (интервью и беседы по поводу изданной книги и пр.) и частный эпитекст (переписка, личный дневник) [5, с. 36].

На наш взгляд, указанные термины в литературных писательских биографиях А. Н. Варламова приобретают высокую актуальность в связи с характерными внутренними законами этих книг, проистекающими из специфики серии «Жизнь замечательных людей» и особенностей нарратологии их автора. Так, к примеру, структурно-композиционная часть текстов издательства «Молодая гвардия» отличается наличием, в частности, таких паратекстуальных составляющих, как «Примечания» и «Основные даты жизни и творчества», а важной чертой именно варламовского дискурса является интертекстуальность названий произведений и их глав. Категории перитекста и эпитекста получают концептуальное решение в книге «Алексей Толстой», определяя ее репрезентационный и рецепционный аспекты.

Одним из значимых компонентов в структуре паратекста является имя создателя произведения. Однако в серии «ЖЗЛ» имя биографа не становится определяющим и первичным фактором, вызывающим читательский интерес. На формально-содержательном уровне произведения имя «замечательного человека» выходит на первый план и определяет границы его «потребления», то есть на ведущих позициях здесь остается заглавие. В то же время существенное значение имеет и имя биографа, расширяя пространство текста и составляя с ним неразрывное целое.

Если говорить о заголовочном комплексе «Алексея Толстого», то для интерпретации текста важен первоначальный вариант его названия, сохранившийся в журнальной версии – «Красный шут. Биографическое повествование об Алексее Толстом». Исходные текстовые разновидности биографий А. Н. Варламова имеют двухчастную структуру заголовка, то есть в данном случае перед читателем две номинации: наиболее точно выражающая, с авторской точки зрения, образ героя, и возникающая как маркер жанровой специфики (тот же принцип в выборе заглавий главенствует, к примеру, в «Пришвине»).

Одновременно с перитекстным анализом специфики названия можно проводить эпитекстный ввиду существования нескольких рецензий, авторы которых обращают внимание на первую часть заголовочного комплекса – «Красный шут».

А. Немзер нашел название «Красный шут» удачным в силу собственных резко критических оценок жизни и творчества А. Н. Толстого: «Многим ли хуже в “чисто художественном” плане откровенно холуйский “Хлеб” прикровенно лакейской трилогии? – пусть разбираются любители “чистого искусства”, замешанного на натуральной грязи. Подлецами все-таки именуют отнюдь не тех людей, что злодействуют без

перерыва на обед и выходных дней и ни за какие коврижки не согласятся совершить что-то доброе, – подлецами называются подлецы» (цит. по: [2]). Противовесом такой оценке звучит мнение: «Называть свою книгу о фактическом классике “Красный шут” – это уж слишком, это за гранью литературоведческих приличий» [Там же]. Знаток А. Н. Толстого С. Г. Боровиков подчеркивает, что такое название представляет собой хрестоматийный и слишком очевидный перифраз определения «красный граф», коренящегося в речи В. М. Молотова о писателе, иронически контаминировавшего прилагательное и существительное в этом словосочетании. Тот же исследователь справедливо замечает, что заглавие «Красный шут» мало связано с самим текстом, так как у А. Н. Толстого и в дооктябрьский период творчества было достаточно юмористических произведений, в то время как советские «Гадюка», «Пётр Первый» и др. нельзя отнести к «шуточным». Жизнью писателя такое определение также слабо подтверждается, считает С. Г. Боровиков, обращая внимание на различного рода экзистенциальные переключки несоветского и советского времени в его судьбе (в частности, зеркальность пощечин 1909-го (история с дуэлью М. Волошина и Н. Гумилева) и 1932 г. (знаменитый эпизод с пощечиной О. Мандельштама) [Там же]).

Полагаем все же, что использование неофициального титула А. Н. Толстого в качестве названия биографии продиктовано не только отмеченными причинами. В еще одном эпитекстовом образовании – опубликованной на сайте «Эхо Москвы» стенограмме радиопередачи «Книжное казино», посвященной выходу книги, – А. Н. Варламов косвенно касается темы «красного шута». На вопрос ведущей о том, можно ли испытывать жалость к герою-писателю, автор говорит о вызывающих жалость некоторых обстоятельствах его жизни [1]. Так, на наш взгляд, именно обозначенные А. Н. Варламовым события, связанные с получением А. Н. Толстым графского – «шутовского» – звания (отсюда «шут»), а также психологические и идеологические моменты, сопряженные с безрелигиозностью и неготовностью к смерти (отсюда «красный»), послужили основным соответствующим фактором. В то же время биограф подчеркивал, что его герой прожил жизнь удивительно счастливую и был на редкость удачлив, подобно шуту в обобщенном понимании, которому, проявленному в мире людей, доступны земные блага и сопутствует фортуна. Однако перед нами «красный шут», то есть расчетливый, условно говоря, «материальный», ибо красный цвет – символ материальности (помимо революционности, а значит, близости к власти), а потому достигнувший счастья своими трудами.

Есть простор для еще более смелой интерпретации заглавия – интертекстуальной. Метафорическое содержание образа Красного домино из различных стихотворений и романа «Петербург» и, что важно, из на-

бросков к пьесе «Красный шут» Андрея Белого могло стать импульсом к его использованию А. Н. Варламовым. В стихотворениях «Маскарад» и «Праздник» Андрея Белого Красное домино фигурирует как таинственный фантом, появляющийся в моменты карнавалов, балов и маскарадов, олицетворяющих собою мир в целом, но «перевернутый» мир (как и в «Петербурге» – двойной мир, реальный и зеркальный). За маской Красного домино – Красного шута скрывается не демоническая сущность, а все же человек, оказывающийся жалким и беспомощным перед лицом трансформированного пространства. Можно воспринимать «перевернутый мир» как мир, перелицованный революцией, в котором оказался «красный шут» А. Н. Толстой, играющий придворные фантомные (хотя и депутатские) роли у Советской власти. Вероятна обратная трактовка: в балладе «Шут» образ Горбатого шута – свидетеля жизни Королевны – обнаруживает сходство с монотонностью и «грозной силой» времени, как А. Н. Толстой – свидетель жизни Сталина, из-под пера которого «если бы он дожил до 50–60-х оттепели <вышли бы> <...> самые глубокие произведения о сталинизме» [Там же]. В романе «Петербург» образ Красного домино инфернализируется лишь на страницах бульварной газеты и в сознании сенатора, Софьи Петровны и обывателей подобно заклеенному в 1980–90 гг. образу «красного графа», хотя и там, и там слишком много «человеческого».

В итоге А. Н. Варламов отказывается от двухчастного заглавия книги, оставляя лишь «Алексей Толстой», как наиболее характерное для перитекста «ЖЗЛ».

Для подписей к большей части фотографий иллюстрационных вставок, относимых нами к затекстовым компонентам, используются цитаты из жизнеописания, выбор которых не случаен; расположение указанных компонентов подчинено своей логике, выражающей авторскую позицию. Так, подпись к фотопортрету, запечатлевшему А. Н. Толстого в детстве с матерью, звучит как «Полу-Толстой, полу-Бостром. Сын графа, но не дворянин» [3]. Фокусируясь на одном из важнейших фактов биографии А. Н. Толстого – его задокументированном происхождении, подробному рассказу о котором посвящена первая глава книги, А. Н. Варламов здесь актуализирует медиальный аспект социальной и сословной принадлежности писателя. Далее следует фотография, подписанная с акцентуацией на графский титул: «Молодой граф. Алексею Толстому 20 лет» [Там же]. Во второй фотовкладке, по сути, обобщающей жизненные и творческие достижения А. Н. Толстого, есть его портрет конца 30-х гг. XX в., надпись к которому коррелирует с обозначенной в ситуативном и историческом смысле: резюмирует постепенное и окончательное «превращение» героя из «графа» в «товарища». Она являет собой хрестоматийную для исследователей и любителей прозаика цитату В. М. Молото-

ва: «Кто не знает, что это бывший граф Толстой! А теперь? Теперь он товарищ Толстой, один из лучших и самых популярных писателей земли советской – товарищ А. Н. Толстой!» [Там же].

На связь расположения фотографий и цитат из текста обратили внимание А. В. Подчиненов и Т. А. Снигирева, обнаружившие аллюзийный характер знаменитой фотографии О. Э. Мандельштама 1934 года, «... на которой в глазах поэта видна обреченность, а вынесенная на первый план рука вызывает библейские ассоциации» [4, с. 153]. Для этого портрета А. Н. Варламов предлагает весьма категоричную и однозначную интерпретацию: «Рука, давшая пощечину графу» [3], которую вряд ли можно считать объективной, ибо фотография в некоторой степени знаменует начало ссылок поэта, прежде чердынської, затем воронежской (1934–1937 гг.).

Кроме того, подписи к фотографиям могут приобретать вид авторских ремарок констатирующего или оценочного характера. В «Алексее Толстом» перитекстовый материал такого типа более частотен в первой вкладке, наглядно представляющей хронологию жизни героя до 1932 года, а также его непосредственное окружение. Некоторые подписи к фотографиям фиксируют роль отображенного на них человека в жизни или произведениях А. Н. Толстого. Так, на одной из фотографий А. А. Блок позиционируется как прототип персонажа известного романа писателя: «Бессонов из “Хождения по мукам”» [Там же].

Таким образом, интертекстуальный характер заголовочного комплекса и ассоциативность надписей к фотографиям в «Алексее Толстом» А. Варламова позволяют выявить разные текстологические планы анализируемых биографий, актуализирующие их исторические, культурологические, событийные и другие пласты (к примеру, сопряженность в едином событийном и культурном контексте значимых фактов (пощечина Н. С. Гумилева М. А. Волошину и пощечина О. Э. Мандельштама А. Н. Толстому).

Список литературы

1. Алексей Толстой серии ЖЗЛ [Электронный ресурс] // Эхо Москвы. Книжное казино. 02 декабря 2007. URL: <http://echo.msk.ru/programs/kazino/56740/>. (Дата обращения: 06.08.2020.)
2. Боровиков С. Алексей Варламов. Красный шут. Биографическое повествование об Алексее Толстом. Графский роман-с [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/9/bo14.html>. (Дата обращения: 06.08.2020.)
3. Варламов А. Н. Алексей Толстой. М: Мол. гвардия, 2006. 591 с. [Электронный ресурс] // Zlibrary. URL: <https://b-ok.cc/book/3229890/4a722b>. (Дата обращения: 06.08.2020.)

4. Подчиненов А. В., Снигирева Т. А. Литературная биография: Документ и способы его включения в текст // Филология и культура. 2012. № 4 (30). С. 152–155.
5. Genette G. Paratexts: Thresholds of Interpretation. Cambridge, 1997. 427 p.

**STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES
OF THE TITLE COMPLEX AND ILLUSTRATIVE MATERIAL
OF A. VARLAMOV'S BOOK "ALEXEY TOLSTOY"**

L. N. Skakovskaya

Tver State University
The Department of International Relations

The potential of the paratext of the books in the "LWP" series by A. N. Varlamov is very important not only because of the representational expansion and receptive deepening of these works, but also determines the internal relationship of specific literary portraits. In the case of Alexey Tolstoy, the paratext performs an end-to-end function, i.e. its elements are revealed throughout the work (the original title, photo captions, etc.) and are related to the main theme.

Keywords: *A. Varlamov, A. Tolstoy, paratext, header complex, photo inserts.*

Об авторе:

СКАКОВСКАЯ Людмила Николаевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой международных отношений Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: education@tversu.ru.

About the author:

SKAKOVSKAYA Lyudmila Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of International Relations, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: education@tversu.ru.